

Т. Б. Щепанская

Введение
КОНЦЕПТ БУДУЩЕГО
В ФОЛЬКЛОРЕ И ТЕОРИИ ТРАДИЦИИ

Этнография, изучение народных традиций, да и само понятие традиции привычно связывать с концептом прошлого: смежные понятия — историческая память, культурное наследие — подразумевают акцент на происходившем и прошедшем. Традиция определяется как «сеть <...> (система) связей настоящего с прошлым» (см.: Чистов 2005, с. 106). Развивая теорию традиции, К. В. Чистов определял ее в паре с понятием «культура»: «Термин “культура” обозначает сам феномен, а “традиция” — механизм его формирования, трансмиссии и функционирования» (Чистов 2005, с. 106). Если понимать под традицией механизмы диахронной трансляции культурной информации, то предполагается изучение временного аспекта культуры в целом. Почему же другой ее аспект — будущее — остается в тени?

Те же соображения относятся и к использованию этнографического метода. Этнографическое исследование базируется на разных источниках, но то, что составляет собственно этнографический метод, — полевое исследование — это кропотливое наблюдение настоящего, позволяющее высветить прошлое (обычно на глубину одного или двух поколений) через интервью, мемуарные записки, воспоминания о рассказах старших родственников, актуальные документы. Остальное достраивается с помощью исторических источников и методов исторической реконструкции. Аспекты будущего опять в тени.

В предлагаемой читателю коллективной работе авторы ставят целью включить концепт будущего в контекст исследований тра-

диции и традиционной культуры — высветить, поместить в фокус этнографического изучения обращенную вперед часть временной шкалы. Обсуждения на семинаре (одноименный этому сборнику семинар проходил на базе МАЭ РАН в 2009–2011 годах), встречи на научных конференциях и собственно дискуссии о концепции сборника выявили два основных направления концептуализации будущего.

Первое — с позиций собственно изучаемых культур: изучение их проективных и прогностических практик (гаданий, предсказаний, пророчеств, утопических представлений), то есть тех форм, в рамках которых сама традиция актуализирует будущее. Эта область вполне традиционна для этнографии, цель нашего исследования — изучение этого рода практик в рамках концепции «производства (или конструирования) будущего» в традиционной культуре. Эту область или объект исследования мы обозначили как «народную футурологию».

Второе направление наших размышлений — с позиции изучения феномена (и в процессе его конструирования понятия) традиции. Как очерчиваются границы «традиционной культуры»? Что, какие феномены непосредственной жизни и социальной памяти сюда включаются? Кем? В статьях второй части сборника рассматривается значение «взгляда из будущего» — современного интереса к прошлому, когда-то повседневным и ритуальным практикам, прежним моделям их легитимации — в конструировании нашего понимания «традиции» и «традиционной культуры». Этот «взгляд» предполагает активный интерес (исследовательский или практический, потребительский или политический) и вполне конкретные практики: кроме научных, такие как историческая реконструкция или строительство/реконструкция/реставрация объектов культурного наследия; туристическое использование таких объектов и специальная организация этнопарков, этнографических деревень, фестивалей; переосмысление и «открытие»/конструирование новых элементов традиции в рамках массовой культуры (создание образов исторического прошлого в фильмах, литературе, компьютерных играх) и т. д.

Таким образом, статьи сборника распределились так, что одни рассматривают способы производства будущего с позиций

традиции (в рамках традиционных культур), а другие — процессы конструирования самой традиции как объекта исследования и общественного интереса. В результате диахронная трансляция культурной информации предстает уже не как однонаправленный процесс (поток из прошлого), а как встречное движение. С одной стороны, работа культуры по прогнозированию и созданию (например, ритуальному, магическому) будущего, а вместе с тем по отбору того, что достойно передачи последующим поколениям, и отсечению того, что таит ошибки или угрозу. С другой — заинтересованный взгляд будущих поколений и работа по оценке, отбору, помещению в зону видимости сохраняющих актуальность и ценность элементов прежних структур повседневности и ритуалов, придание им статуса «традиции».

Представляемый читателю сборник — скорее подбор материалов к исследованию аспектов будущего, чем концептуально завершенный труд. Концептуализация футурологических аспектов этнографических и фольклорных материалов пока находится на начальных этапах.

Как следует понимать «будущее» (чтобы это понимание было операционально)?

Будущее — это часть социального пространства, которое уже есть или формируется в коллективных представлениях (области обсуждений), но пока не заполнено реальными взаимодействиями и дискурсивными структурами. Нередко в этом социальном пространстве обнаруживаются противоречия, конфликты интересов разных социальных групп — будущее становится объектом и пространством борьбы.

Отсюда актуальность концепта будущего в политическом дискурсе. Действительно, лозунги и программы политических партий содержат мотивы создания проекта будущего или борьбы за его построение.

В качестве примера напомним лозунги и призывы политических партий или слоганы кандидатов, участвовавших в избирательной кампании в декабре 2011 года (выборы в Государственную Думу РФ и местные органы самоуправления): «Ценим прошлое — смотрим в будущее» (плакаты кандидатов от КПРФ в г. Боровичи Новгородской обл.); «Бюллетень — оружие в борь-

бе за будущее!» (А. Галдин, первый секретарь Одинцовского РК КПРФ; сайт МОО КПРФ, 2012). Текст предвыборной программы партии «Единая Россия» завершается также темой борьбы за будущее страны: «Мы едины в самом главном: мы хотим счастья нашей стране и мы ее любим. Мы не отдадим нашу Россию. Не отдадим тем, кто хочет разрушить ее, не отдадим тем, кто обманывает людей, раздавая пустые и невыполнимые обещания. Россия должна принадлежать свободным, порядочным и ответственным людям. Уверены, так и будет. Будущее за нами!» (сайт «Единой России», 2011). В связи с выборами в Государственную Думу в 2011 году Д. А. Медведев выступил с обращением, которое завершил так: «Проголосуйте за тех, кому верите. Проголосуйте за будущее России!» (сайт Президента РФ 02.12.2011). На плакатах «Справедливой России» 2007 года фигурировало название ее программы: «Доверие во имя будущего» («Справедливая Россия», 2007). Партия «Союз правых сил» шла тогда на выборы под лозунгами: «Голосовать за СПС — голосовать за свое будущее. Наше дело — правое! Будущее — за нами!» (сайт СПС в СПб., 2007). Г. А. Явлинский в докладе, представленном 25 февраля 2012 года, сформулировал задачу партии «Яблоко»: «Важнейшая наша задача заключается в том, чтобы мы видели будущее, чтобы мы видели стратегию» (сайт РОДП «Яблоко», 2012).

Значимость концепта будущего отражена и в самом названии важнейшего документа политической партии — «программа», определяющем ее идеологическую основу и основание коллективной идентичности ее членов и сочувствующих. Это должно означать, что идеология партии и идентичность партийцев строятся на основе разделяемого ими проекта будущего. В 2004–2005 годах существовала даже Всероссийская коммунистическая партия будущего (ВКПБ) (Закатнова 2004; Антипова 2004). О «Партии будущего» пишет и А. Бобров, предлагая проект такой партии на сайте виртуального клуба «Суть времени» С. Е. Кургина (Бобров 2011). Будущее, таким образом, становится полем интенсивной борьбы — проекцией и точкой кристаллизации партийных идеологий.

В то же время «Независимая газета» в 2008 году пишет о «закате партийной футурологии», имея в виду недостаточное внимание политических партий в России к идеологическим и про-

граммным аспектам (а больше к ситуативным условиям межпартийной конкуренции) (Коргунюк 2008). По мнению автора, пик развития программных идей пройден в начале XX столетия, ныне наблюдается утрата интереса к этой тематике, а «образы будущего присутствуют опосредованно, будучи аккумулярованными в имиджах партийных вождей» (Коргунюк 2008). Тем не менее предвыборная кампания 2011–2012 годов показала возвращение к активной артикуляции темы будущего в агитационных материалах (плакатах, слоганах, призывах) фактически всех участников.

Борьба за будущее — это конкуренция различных социальных порядков (нормативных комплексов, *habitus*'ов) за право трансляции во времени, превращения в общепринятую ценность. Это и конкуренция систем легитимации — идеологий, дискурсов, с помощью которых обосновываются политические действия и повседневные практики, опять же порядок социальных взаимодействий. Если в «настоящем» социальный порядок и системы легитимаций опираются на понятие общепринятого, на характер уже произошедшей социализации живущих поколений, то относительно «будущего» существует неопределенность, и общественное сознание допускает эту неопределенность. Существуют культурные механизмы для снятия этой неопределенности или по возможности наполнения будущего как области неопределенности информацией, которая создаст хотя бы иллюзию ее снятия. В традиционных обществах основную роль в этом играет, пожалуй, ритуал: мантические попытки получения «знаний» о будущем, магические — воздействовать на него, ритуальные практики, направленные на его конструирование и стабилизацию.

В современных сложных (урбанизированных, индустриальных и постиндустриальных) обществах существуют институты «производства будущего» (один из них — политику — мы выше упоминали). Институты прогнозирования и проектирования будущего существуют также в рамках науки, литературы (научная и социальная фантастика) и искусства, массовой культуры, альтернативные проекты конструируются в субкультурных средах. Есть и общественные движения, специально ориентированные на футурологическую деятельность.

Деятельность по планированию и прогнозированию — важная часть государственного и корпоративного управления. Под эгидой Госплана, Госстроя и АН СССР в 1972–1990 годах в СССР действовала прогностическая служба — «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий», Параллельно развивалось общественное футурологическое движение, в рамках которого работали видные ученые различных направлений — экономисты, демографы, социологи, математики. В 1997 году на их базе возникла Академия прогнозирования (значимую роль в ней сыграл И. В. Бестужев-Лада, не прекращавший деятельности по прогнозированию и исследованиям будущего с 1960-х годов). В 1986 году был создан Институт народнохозяйственного прогнозирования, который координировал футурологическую работу различных НИИ и исследовательских групп (Ядов 1988). Исследовательский интерес к проблематике будущего институционализирован в рамках различных научных учреждений. Так, в Институте востоковедения РАН действует межотдельская группа — Евро-азиатский центр мегаистории и системного прогнозирования (ЕАЦМИСП, учрежден 25 мая 2011 года), ориентированный на исследование тенденций локального и глобального развития на базе эволюционной парадигмы.

Темой же настоящего сборника стало исследование институтов «производства будущего» в обществах традиционного типа. Важное различие — в концепции времени: линейной (история) или циклической (ритуальный цикл смерти/возрождения и т. п.). С понятием традиционного общества обычно связывают второй тип: время циклично, будущее производится ритуалом, цель которого — обеспечить это воспроизводство, точнее — воспроизводство того, что было в прошлом хорошего, и предупреждение возвращения негативных событий. Ритуал — это мембрана, система правил пропуска в будущее, отбора элементов привычной жизни, достойной передачи. Это система исправления ошибок, накапливающихся при репликации (Байбурин 1993, с. 12–13). Будущее, однако, не сводится к реплике прошлого; в нем остается место неопределенности. Отчасти оно заполняется ритуалом (магией удачи или защиты, церемониями начала и завершения регулярно-

го дела), но отчасти остается как ожидание и неуверенность, сознание риска. В этой области актуальны мантические практики, которые можно рассматривать и как разновидность ритуала. Однако символическая/виртуальная коммуникация выстраивается в гаданиях обратно, допустим, магии. Если маг посылает сигнал в неизвестное в надежде на него повлиять, то гадалщик выстраивает ситуацию так, чтобы получить сигнал «с той» стороны, из зоны неопределенности. Маг отправляет сигнал в будущее, гадалщик получает оттуда ответ. Все, конечно, в виртуальном плане, однако в результате первоначальная неопределенность как главная характеристика будущего замещается текстом. Тем самым отчасти «будущим» уже перестает быть, поскольку текст — прогноз, проект, ответ, пусть даже и виртуальный, — есть уже начало действия, а следовательно, настоящего. В этом смысле «производство будущего» есть одновременно его прекращение.

В нашем сборнике большая часть статей посвящена именно гадательным практикам, то есть на первый план выходят прогностические аспекты традиционной культуры. Читатель имеет возможность сопоставить гадания — способы снятия неопределенности или, точнее, ее конверсии в текст — в разных этнических традициях. Нужно учитывать, однако, что эти элементы «традиционной культуры» были зафиксированы, как правило, в XX–XXI веках, то есть авторы-этнографы наблюдали функционирование элементов традиционной культуры, существующей уже в рамках сложных современных обществ. В то же время в ряде статей рассуждения базируются на исторических материалах, позволяющих спроецировать современные наблюдения в прошлое. Тем не менее вопрос о соотношении форм «производства будущего», характерных для доиндустриальных и современных сложных обществ (индустриальных и постиндустриальных), в каждом случае остается открытым, как и вопрос о соотношении линейной и циклической схем в представлениях времени.

Библиография

Антипова Н. Что такое партия будущего. Новая коммунистическая партия возродит учение Ленина и Маркса // Политический журнал. 2004. 20 сент. № 34 (37). URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=80&tek=2294&issue=68> (дата обращения: 18.03.2012).

Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бобров А. Партия будущего (28.09.2011) // Суть времени: Виртуальный клуб (сайт). URL: <http://eot.su/node/7707> (дата обращения: 18.03.2012).

Закатнова А. Развод. ВКПБ против КПРФ // Российская газета. Столичный выпуск. 2004. 13 сент. URL: <http://www.rg.ru/2004/09/13/kprf.html> (дата обращения: 22.01.2012).

Коргунок Ю. Г. Закат партийной футурологии // Независимая газета. 2008. 22 янв. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2008-01-22/17_zakat.html (дата обращения: 18.03.2012).

Чистов К. В. Традиция и вариативность (впервые опубли. в 1983 г.) // Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 105–116.

Ядов В. А. Социология в России. М., 1988. Гл. 30: Социальное прогнозирование (И. Бестужев-Лада). URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/jadov_sociologija/29.aspx

Интернет-сайты

Сайт МОО КПРФ — Сайт Московского областного отделения Коммунистической партии Российской Федерации: <http://mkkprf.ru/news-view-11516-word-%C1%FE%EB%EB%E5%F2%E5%ED%FC++++%EE%F0%F3%E6%E8%E5.html> (дата обращения: 22.01.2012).

Сайт партии «Единая Россия»: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 18.03.2012). Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (программное обращение партии «Единая Россия» к гражданам России). Утверждена 24.09.2011.

Сайт Президента России: <http://kremlin.ru/news/13764> (дата обращения: 22.01.2012). Обращение Президента Российской Федерации Д. А. Медведева к гражданам России, 2 декабря 2011 года.

Сайт Российской объединенной демократической партии «Яблоко»: http://www.yabloko.ru/federalnyj_sovet/2012/03/05 (дата обращения: 18.03.2012).

Сайт «Союза правых сил» в Санкт-Петербурге: http://www.pitersps.ru/prog_part1.php (дата обращения: 18.03.2012).

Справедливая Россия (газета). 2007. № 7. URL: http://www.spravedlivie.ru/f/data/7_SpravRos.pdf